

Цивилизация и варварство в истории России

Статья 3. Казачество *

Следующий пласт феноменологии варварского в российской культуре — варвар институциональный. Я имею в виду особый, уникальный для европейской истории культурно-социальный феномен: казачество. Поначалу упоминание казачества в этом ряду может удивить и показаться спорным. Чтобы разобраться в данном вопросе, надо преодолеть инерцию привычного восприятия и прояснить ряд моментов, важных не только для понимания заявленной проблемы, но и всей русской истории.

Часто Древнюю Русь представляют как этнически единый славянский социум, а теснившую ее с юга и востока Великую Степь — как свободное пространство, на котором стихийно перемещались кочевые племена и народы. Однако эта картина неверна. Во-первых, сам великорусский этнос не был единым. Шел активный процесс ассимиляции славянами на севере страны — угро-финнов, на юге — степных тюркских племен. В результате на территории России сложились две отличные друг от друга этнокультурные общности. Их различия столь значительны, что этнолог Д. Зеленин делает принципиально важный вывод о существовании двух близких, но тем не менее разных русских народностей: северорусской (окающий диалект) и южнорусской (акающий диалект)¹. Отмечая, что этнографические и диалектологические отличия южнорусского населения от северного значительно больше, чем отличия последнего от белорусов, Зеленин предлагает следующее деление восточных славян: украинцы, белорусы, северорусские и южнорусские. Исследователь отмечает, что, хотя среднерусская (т. е. московская) культура широко распространилась на юг и на север, не может быть и речи о слиянии двух русских народностей [2, с. 30—32].

Данное положение было высказано в 20-е годы, но и сегодня можно подтвердить вывод ученого. Север и юг России сохранили свои качественные отличия. Носители северо- и южнорусского типа хорошо осознают свою самость и дистанцированность друг от друга. В новом, уже индустриальном контексте воспроизводятся не только нетождественность, но и своеобразное противостояние севера и юга России. Этот малоосознаваемый социокультурный феномен не так

* Продолжение. Начало статьи см. [1]. Напомним, понятие «варварство» у автора не носит оценочного характера и связано лишь с представлением о константном (а не расширенном) характере воспроизводства культурного ресурса данной формой социального сообщества.

Это подтверждают диалектологические и этнографические различия, антропометрия, тип жилища, песенный фольклор и многое другое. Человек, впервые проезжающий с севера на юг России, в какой-то момент ощущает, что оказался в другой стране. См. [2].

Яковенко Игорь Григорьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института национальных проблем образования Министерства образования РФ.

давно влиял даже на некоторые стороны политики нашей страны. Факторами, постоянно мешавшими М. Горбачеву, были идентификация этого политического лидера с южнорусским типом культуры, его характерный и неустрашимый акцент. В иррациональном по своей сути отторжении крупного политика — выходца из юга России — проявляется устойчивый рефлекс. В массовом сознании живет восходящее едва ли не к Смутному времени представление о Юге как *другом*, не вполне освоенном и опасном пространстве. Для того чтобы разобраться в этой проблеме, следует по-новому взглянуть на русскую историю.

Образ Великой Степи как изменчивой стихии, обрушивавшей на Киевскую Русь все новые орды номадов, принадлежит, скорее, к области исторической мифологии. В реальности Степь — достаточно стабильная этносоциальная система, веками взаимодействовавшая с оседлой земледельческой зоной, тюрко-славянской этнической субстрат которой с XI века оставался практически неизменным (в XIII—XV веках он ассимилировал пришлых монголов). Кроме того, по мнению историка С. Плетневой, еще во времена Владимира Мономаха Западный половецкий союз вошел в состав Русской земли [3]. Л. Гумилев высказался по этому поводу еще более определенно: «По сути дела, в XII—XIII веках Половецкая земля (Дешт-и-Кыпчак) и Киевская Русь составляли одно полиэтническое государство» [4].

Это принципиально важное положение. Вспомним, что на заре русской истории, еще до обретения славянами государственности, племена полян, северян, родимичей, вятичей вошли в состав Хазарского каганата. Так впервые возникло политическое целое, объединившее оседлую лесостепную и степную зоны или земледельческую и кочевую культуры. Позже русские племена освободились от хазарской зависимости, и князь Святослав Игоревич в 965 году разгромил Хазарский каганат. При этом существенно, что цели Святослава состояли не в обретении независимости от Степи, не в укреплении границы славянского государства, а во включении хазарской территории в состав Руси. Это означает, что государственное объединение севера и юга, охватывавшее лесную и степную зоны, было не случайной политической комбинацией, а устойчивой системой. Русские правители — преемники Святослава — вели себя точно так же. Новых кочевников — печенегов — сначала отбрасывали от русских земель, а затем приводили к покорности, оставшихся поселяли вдоль границы. По этой же схеме складывались отношения Руси с половцами и в конечном счете с татарами.

Продолжительность сосуществования Руси и Степи в рамках федерации (до их полного объединения) значительно превышает время их противостояния в качестве независимых и враждебно настроенных друг к другу субъектов. В этом исследовательском направлении русская история предстает не как смертельная схватка двух различающихся сущностей — Руси и Степи, но как борьба за доминирование в рамках устоявшегося полиэтнического единства, или федерации севера и юга. С течением времени такое доминирование несколько раз переходило от одной стороны к другой: вначале (в X веке) от хазар к Киеву, затем (в XIII веке) от Владимира к татарскому Сараю. Затем доминирование снова возвращается Москве. В XVIII веке Петербург заканчивает объединение всех народов и земель степной зоны и постепенно ликвидирует кочевничество в Европейской России как особый способ бытия². Так объективным ходом общецивилизационного процесса была снята историческая полицентричность русско-степного целого. Вернее, эта полицентричность перешла на уровень этнокультурных различий в единых стадияльных и политических границах.

Понятно, что переходы доминирования от одной стороны к другой не были чисто политическими событиями, но представляли собой выражение историчес-

² На самом деле с покорением Крыма заканчивается ассимиляция южнорусских степей (территории от Киева до Волги). Но традиция ассимиляции не исчерпала себя. Россия двинулась в глубь азиатской пустыни, присваивая все новые и новые земли. Это историческое движение завершилось только афганской войной (1979—1988 годы).

кой конкуренции различающихся стратегий и, соответственно, двух типов государственности — оседлого земледельческого и кочевнического. Каждый раз победитель задавал параметры интеграции, необратимо влияя на побежденную сторону. В конечном счете представляющий земледельческую цивилизацию Север победил, и это было неизбежно. Однако огромные блоки культуры кочевнической, кочевнической мира вошли в состав интегрированного целого. При этом с населением Степи произошла следующая, растянувшаяся на восемь веков метаморфоза: оно сохранило этнический субстрат, но сменило конфессию. Во втором тысячелетии н. э. в зоне постоянных контактов с миром монотеистических цивилизаций половецкое и татарское тюркское должно было уступить место мировой религии. Кочевники, принимавшие ислам, уходили в Крым или Казань. Те же, кто избирал христианство, оказывались в сфере влияния Москвы.

Так с течением времени из потомков хазар, печенегов, половцев и татар стало формироваться казачество. Разумеется, в этом синтезе участвовали и выходцы из Руси. Но этническое ядро казачества — природные степняки. На следующем этапе происходила смена языка. Этот процесс также растянулся на века. По некоторым свидетельствам, еще в XIX веке казаки в своей массе были билингвами и в быту использовали «татарский» (т. е. половецкий) язык. Масса тюркских слов по сей день остается в южнорусских диалектах.

Проблема этногенеза казачества находится в поле зрения современных авторов. По мнению Р. Скрынникова, казачество возникло из слияния немногочисленных русских переселенцев с населением татарских станиц в степях [5]. Гумилев неоднократно указывал на происхождение терских казаков от хазар-христиан, а в целом казачество считал крестившимися половцами. Дагестанец М. Аджиев посвятил изучению исторических судеб половцев специальное исследование [6]. Один из его ключевых выводов состоит в том, что казачество возникло в результате обрусения половцев. При спорности отдельных положений собранный им материал убедителен. Автор из русского зарубежья А. Гордеев связывает происхождение казачества со взимавшейся Ордой данью живой силой — «тамгой» [7]. Забираемые в Орду русские использовались для охраны степных границ и ямской повинности. Рядом с русскими станицами расселялись для несения пограничной службы половцы. Из логики Гордеева следует, что казачество сложилось в результате взаимоассимиляции русских и половцев.

Таким образом, исследователи едины в признании половцев одним из источников этногенеза казачества. Проблема сводится к установлению соотношения русского и половецкого компонентов в этом процессе. Полагаю, казачество возникло в результате половецко-русского смешения при явном доминировании половецкого субстрата. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на лица казаков на фотографиях XIX века. Форма черепа, выражение глаз, особенности фигуры, фрагменты бытовой культуры — все это разительно отличается от славянской типологии и выдает в казаках природных степняков.

Для решения вопроса о природе казачества существенно, что казаки по сей день сохраняют национальную самоидентификацию и культурно-бытовое своеобразие, осознают себя особым народом, отличающимся как от украинцев, так и от русских. По свидетельству Гордеева, до революции в среде казаков бытовало убеждение, что по происхождению они с русскими ничего общего не имеют и происходят от народов, пришедших из Азии и впоследствии обрусевших [7, с. 5].

Изложенное выше позволяет отбросить казенную версию, согласно которой основную массу казаков составили беглые крепостные крестьяне, выходцы из русских княжеств, уходившие в Степь и осваивавшие Дикое поле. Идеологическая заданность этой конструкции слишком очевидна. Таким образом, в лице казачества мы имеем этнических кочевников, принявших русскую культуру и институционализировавшихся в рамках особого феномена: этнос-сословие.³ Данная

³ Показательно, что в настоящее время казачество добилось признания себя репрессированным народом, т. е. особой этнической единицей.

трактовка позволяет многое объяснить в природе казачества. Лишь в данном контексте становится понятной в высшей степени взвешенная политика царского правительства, направленная на постепенную ассимиляцию казачества. Речь идет о широчайших правах внутренней автономии, которыми правительство наделяло инородцев, но никогда не давало исконным русским. Наконец, это объясняет привилегии казачества, а также его главную отличительную черту: профессиональную ориентацию этноса на военную службу.

Для того чтобы раскрыть типологические характеристики казачества, надо поместить его в среду качественно близких феноменов. Ближайшее к нему явление европейской истории — рыцарство. По существу рыцарь — не что иное, как позавчерашний, т. е. достаточно поздний, варвар, который принял исповедальные ценности цивилизации, но не утратил некоторые качества, чрезвычайно важные для военного дела (имел повышенную пассионарность и подвижность, не «прирос» к земле, сохранил элементы военно-демократического этоса, отождествлял мужчину и воина), и по внутреннему убеждению превратил в свою профессию защиту государственности и цивилизации от варваров, а также от других цивилизаций⁴.

Рыцарство возникло в эпоху раннего средневековья. Германцы, выстраивавшие новую христианскую цивилизацию, как и русские, столкнулись с мощным непрекращающимся давлением новых волн варваров-кочевников. Авары, саксы, арабы, венгры и, наконец, норманны, теснившие ранние европейские государства, поставили европейскую цивилизацию на грань гибели. Возникновение рыцарства было ответом молодой цивилизации на вызов истории⁵.

В природе рыцарства и казачества множество как очевидных параллелей, так и существенных различий. Последнее обусловлено тем, что эти явления складывались в типологически близких, но существенно различающихся исторических контекстах. Рыцарство возникло в рамках государства, в поле действия цивилизации. В его этосе в меньшей мере сохранились архаические, догосударственные моменты, а включенность в процесс феодализации была полной.

Казачество возникло за рамками государства. Оно в большей мере сохранило военно-демократический стержень архаической культуры и в гораздо меньшей мере феодализировалось. И хотя казачество претерпело значительное социальное расслоение, оно не породило класса феодалов. Рыцари были частью феодального общества и государства и несли в себе все черты его культуры. Самосознание казачества — особая, не тождественная зрелому государству сущность. Хотя на позднем этапе своей истории казаки ощущали себя опорой царизма, они ревниво сохраняли при этом свою автономию.

Примеры из более отдаленных времен мы находим во всей мировой истории. Это многочисленные племена, союзы и роды поздних варваров (часто на стадии перехода к оседлому образу жизни), которые поселялись в пограничных областях великих империй и выполняли буферные функции. Так, в Римской империи германские и готские племена получали статус союзников и расселялись на землях, сопредельных с границами государства.

В этих «полуварварах» идеально сочетались культурные пласты как варварства, так и цивилизации. В широкой исторической перспективе переходные формы исчезают, растворяются или трансформируются. Однако иногда паллиативная комбинация оказывается устойчиво востребуемой благодаря особенностям геополитического контекста. Это и случилось в истории России. Земледельческое общество соседствовало здесь с необозримым степным пространством, требовавшим освоения и закрепления, на которые уходили столетия. В подобных случаях паллиация получает идеологическое и культурное оправдание и становится исключительно устойчивым явлением.

⁴ Речь идет не о поздних, сублимированных формах, а об историческом рыцарстве в пору его реального существования.

⁵ Такую трактовку генезиса рыцарства приводит Ф. Кардини [8].

Экскурс в генезис казачества позволяет очертить одно из фундаментальных противоречий российской ментальности. Рассматривая Россию как целое, вызревавшее в рамках устойчивой федерации земледельческого и номадического обществ (а по мере утверждения евразийской концепции это видение находит все больше сторонников), надо признать, что русская культура если не интегрировалась, то по крайней мере агрегировала в единое целое две качественно различающиеся культурные системы.

В своем историческом бытии нормальное земледельческое общество демонстрирует поступательное развитие, в то время как история кочевых народов и созданных ими государств существенно иная. Указывая на это, Гумилев пишет: «Социальное развитие в странах земледельческих и народов, наследовавших развитую культуру античности, и у племен, живущих в девственном ландшафте, без письменности, с примитивной техникой, идет асинхронно... В Европе развивается феодализм, образуются классы, разделяется ремесло и земледелие... а в степях Евразии овцы поедают траву, псы охраняют овец, а пастухи ездят в гости друг к другу; единственное орудие производства — кнут, но совершенствовать его незачем» [4, с. 41]. И хотя «возникают города, археологические культуры сменяют одна другую, этносы возникают и исчезают, формация остается той же — первобытнообщинной в стадии военной демократии» [4, с. 41]. Такое существование без развития есть исторически первичная стратегия. Она характеризуется чрезвычайной устойчивостью, мощным закреплением ориентации на воспроизводство вечных и неизменных структур, а потому минимально трансформативна.

Драма русской истории состоит в том, что Московия-Россия медленно, но неуклонно ассимилировала степные пространства в территориальную систему оседлого земледельческого общества. Такое развитие возможно только через побуждающее взаимопроникновение культурных систем. Русская культура инкорпорировала широчайшие пласты архаического кочевого менталитета⁶.

Как мне представляется, казачество — один из наиболее ярких аргументов в пользу евразийской концепции. Разумеется, казачество как явление не может быть исчерпано отнесением к классу поздневарварских феноменов. Тем не менее оно (возможно, наряду со старообрядчеством) выделяется идеологическим и бытовым закреплением широких пластов архаического. Казачество сохранило основной институт военной демократии — Войсковой круг. Этот феномен догосударственного бытия в русских регионах исчез еще во времена Киевской Руси либо трансформировался в политические институты государственной власти, как в Новгороде. В Московском государстве вечевая форма самоорганизации спустилась на самый нижний уровень — уровень сельского мира — и сохранилась как механизм общинного самоуправления. Войсковой же круг по сути и смыслу — политический институт, решающий вопросы войны и мира. Именно в этом качестве он действовал еще в период гражданской войны.

Подчеркнем, что Войсковой круг нельзя смешивать со зрелыми институтами демократического общества. При общности исходных принципов они разительно отличаются. Так, выросшая из веча политическая система Новгородского государства к XIII—XIV векам превратилась в сложный механизм, учитывавший интересы разных социальных слоев, обеспечивавший баланс сил, имевший оригинальную систему сдержек и противовесов: господа—вече — князь—владыка (архиепископ). Одним словом, это была политическая система зрелого государства. Войсковой же круг закреплял исходную архаическую структуру догосударственного и, если угодно, «многогосударственного» образования.

К стержневым, определяющим суть казачества идеям относится архаическое

⁶ То, что русские публицисты XIX века называли «татарщиной», существенно шире собственно ордынских заимствований. Под этим ярлыком скрываются наиболее зримые, яркие итоги тысячелетнего диалога земледельческого и кочевого обществ.

отождествление мужчины и воина. С этим связан целый ряд моментов. В казачьей культуре оружие — атрибут полноценного, свободного человека. «Настоящая» праздничная одежда казака — военная форма. Нагайка — знак казачьего достоинства — как символ достаточно красноречив. Достоинство казака сопряжено с ношением предмета, служащего не только для езды на коне, но и для нанесения побоев, т. е. для оскорбления действием другого человека.

Если в современном обществе война прежде всего несчастье, казачья ментальность хранит совершенно иной образ войны. Война не только неустрашимый момент бытия, но и религиозное действо, праздничное испытание, инициация. Участие выходцев из казачьих регионов в войнах на территории бывших СССР и Югославии (мы говорим не о политических играх разных «начальников», а о простых парнях, которые бросают родной дом и едут за тысячи километров в Приднестровье, в Абхазию или на Балканы) не имеет плоско рациональных объяснений, а обусловлено сферой культурных рефлексов. Казаками движет импульс, задающий образ войны как единственного достойного мужчины занятия, как инициационного испытания. Война необходима этим людям для устойчивой половой самоидентификации.

Если мы обратимся к недавней (до конца XVIII века) истории и посмотрим на структуру казачьего хозяйства, обнаружим, что это архаическое, по преимуществу присваивающее хозяйство: охота, рыбная ловля, солеварный промысел, скотоводство, торговля. Издревле казаки запрещали новым поселенцам распахать земли и сеять хлеб. Объяснение этого (чтобы Москва не «окрестьянила») не более, чем рационализация табу на альтернативную форму хозяйственной деятельности, существующая у кочевников. Как всякое номадическое общество, казачество было не самодостаточным экономически. Оно получало государево жалование: порох, свинец, пшеницу, деньги. Другой неотъемлемый элемент такой экономики — военный промысел, «походы за зипунами» или попросту грабеж, который был не чем иным, как наследием догосударственной архаики, доживавшим век в медвежьих углах, до которых еще не дошел процесс утверждения цивилизации.

До конца XVIII века на Дону существовало рабовладение. Рабы, «ясырь» — пленные из неправославных — использовались в качестве слуг и работников на промыслах⁷. Казачество сохранило общинную собственность на землю. Традиции казачьего быта носят патриархальный, глубоко антиличностный характер. В последнее время пресса сообщала о порках провинившихся станичников по решениям возродившихся казачьих кругов, о выселении из станиц отдельных семей (чаще инородцев) по решению круга.

В зависимости от ценностных установок к этим фактам можно относиться по-разному. Безусловно одно: с точки зрения историка культуры, казачество выступает носителем целого пласта социальной и культурной архаики.

Однако нельзя не признать, что казачество перешло грань, отделяющую позднего варвара от человека цивилизации. Казак-земледелец — деятельная сила, ориентированная на приумножение цивилизационного ресурса. Деловитость, аккуратность, устойчивый быт, стремление к сытой жизни, самоуважение и чувство собственного достоинства (пусть выросшее из презрения к прочим), культ крепкого хозяина — все это свидетельствует о переходе незримого, но очень важного рубежа, о приобщении к цивилизации. Как и многое в России, казачество — противоречивый феномен, и конфликт между разными сторонами казачьей культуры еще будет разворачиваться.

Природу казачества и его место в общерусском целом раскрывает история

⁷ Отметим, что в русских областях патриархальное рабовладение было изжито на заре государственности.

взаимоотношений государства и казачества. Эти отношения были противоречивыми и драматичными. А определялись они тем, что, являясь особым периферийным феноменом, частично интегрированным в большое общество, казачество выступало носителем иноприродного, догосударственного, т. е. хаотического, начала. Однако все обитатели Великой Степи были явными противниками Москвы, только казаки союзниками. А потому Москва нуждалась в казаках, сотрудничала с ними, проводила политику, направленную на интеграцию казачества в государство. Для этих целей подкупала казачество, давала ему льготы, способствовала социальному расслоению в казачьей среде. В то же время из-за своей иноприродной сущности казачество должно было быть локализовано, подавлено и в этом подавленном состоянии инкорпорировано в государство. Между Москвой—Петербургом и казачеством как миром номадической культуры веками шла глухая, не прекращавшаяся ни на один день, периодически обострявшаяся борьба, которая длится и поныне.

Казачество несет в себе иную модель социальности и иную версию исторического развития, реализовавшуюся в тысячелетней истории Великой Степи. Но поскольку во второй половине нашего тысячелетия время номадов истекло, государство постоянно побеждает, все более оттесняя и поглощая казачество, всасывает его в себя, трансформирует в нормальный, легитимный элемент земледельческого общества, последовательно уничтожает Степь, превращая ее в освоенное земледельческим государством пространство. В русской истории отчетливо обозначены вехи этой борьбы степной и земледельческой моделей. Отметим, что во всех карательных акциях Центра — от разгромов степняков в XII веке до расказачивания в XX — прослеживается задача не уничтожить, но подавить системное целое, заглушить процесс естественной самоорганизации казачьего мира и на этих условиях включить его в общероссийскую цивилизацию.

И хотя в численном выражении казачество всегда было существенно меньше земщины, оно несло в себе смертельную опасность государству⁸. Жестокий кризис конца XVI века ослабил земщину и уравнивал ее с казачеством. Последнее мгновенно поднялось и попыталось навязать большому обществу свою модель социальности. Смута не была всплеском «воровской» стихии, как об этом писали многие, начиная от современников событий и кончая авторами «Вех». Это был ренессанс стадияльно предшествовавшей модели социальности. Другое дело, что по отношению к тогдашнему российскому обществу эта модель выступала как паразитарная, разрушающая социальность варварская стихия. В результате Российское государство практически распалось. Казачество не победило только потому, что не имело, да и не могло иметь, приемлемой модели социального устройства для населения России XVII века, все активнее взаимодействовавшей с Европой. Победа земщине досталась непросто и оставила после себя смертельный страх перед стихией казачества. И в дальнейшем все крестьянские войны и крупные народные движения проходили с участием казаков. Наследники Степи сложно и мучительно вписывались в государство.

Рубежом в процессах интеграции явилась аннексия Крыма. В конце XVIII века традиционные для кочевников территории юга России полностью вошли в Российское государство. Опираясь на новую геополитическую реальность, российское правительство начало фронтальное наступление с целью полной интеграции казачества (упразднение Запорожской Сечи, превращение казачества в регулярное войско, офаничение самоуправления, переселение части казаков на вновь образовавшуюся пофаничную линию и т. д.). Пугачевщина — последний всплеск сопротивления, где прозвучал голос исторического казачества. В XVIII веке казачество начало переход к земледелию. Его трансформация в легитимный

⁸ Степной космос, «волюшка вольная», модели социальности, присущие казачеству, притягательны для миллионов земледельцев. Это означает, что общество еще не совершило окончательный переход к зрелой цивилизации и в нем живы атавистические воспоминания.

элемент цивилизованного общества — дело времени, отмеряемого, разумеется, мерками исторических процессов.

Крупные рывки в модернизации России обязательно сопровождались подавлением и разгромом этой военно-демократической стихии. Замалчиваемый монархической, да и советской историографией чудовищный разгром Дона, учиненный Петром I в ходе подавления Булавинского восстания, преследовал задачи «подтягивания тылов», жесткой интеграции страны в качественно однородное целое. Уничтожение стрельцов и разгром казачества были условием перелома в модернизации страны. Точно такие же цели преследовало и большевистское расказачивание. От карательных акций Петра оно отличалось лишь масштабами подавления. Общественная ситуация и задачи Центра оказались типологически близкими. Расказачивание было необходимым условием модернизации. Коллективизация и жестокая, построенная на ограблении крестьянства индустриализация были бы невозможны, если бы существовало полнокровное и свободное казачество.

Но так же, как укрепление и развитие государства неизбежно влекут подавление казачества, ослабление и распад государства провоцируют всплеск казачьей стихии. За Смутным временем следует гражданская война. Казачество переживает еще один расцвет и на короткое время превращается в фактор, определяющий судьбы России. Традиционные казачьи земли становятся базой Белого движения. С крахом империи воспроизводится ранняя историческая ситуация, и казачество возрождается как квазигосударственный политический субъект. Карта гражданской войны показывает, что белые были сильны до тех пор, пока действовали на Юге, на территориях бывшего Дикого поля, но стали терпеть поражения на исторических границах Московского княжества. Казачество и население Юга в целом выступили на стороне сил, противостоявших Центру и обещавших сохранить традиционную автономию. В новой идеологической рамке развернулась борьба имперского Центра и вольнолюбивого Юга.

Вне вполне определенного, архаичного, ставшего навсегда достоянием истории социального, культурного и геополитического контекста казачество существовать не может. Попросту говоря, казак без коня — нонсенс. На мой взгляд, казачество ожидает глубокая трансформация, характер которой будет определяться качеством и результатом общецивилизационных изменений, которые предостоят России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Общественные науки и современность*. 1995. № 4, 6.
2. *Зеленим Ю. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
3. *Плетнева С. А.* Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1994. С. 275.
4. *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С. 327.
5. *Скрынников Р.* Ермак. М., 1992. С. 7.
6. *Аджиев М.* Мы из рода половецкого. Б. м., 1992.
7. *Гордеев А. А.* История казаков. М., 1992.
8. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.